

ОПЫТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА МИФОЛОГИИ К. ЛЕВИ-СТРОССА EXPERIENCE IN STRUCTURAL ANALYSIS OF THE MYTHOLOGY OF K. LEVI-STRAUSS

Галиева А. М., Ибрагимова З.З.
Galieva A. M., Ibragimova Z.Z.

Russian Federation Institute of Applied Semiotics of The Tatarstan Academy of Sciences, RF Kazan
Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
amgalieva@ gmail.ru, yuldyz@rambler.ru

Түйін

Мақалада структурализм методологиясы және оның лингвистика саласында қалыптасатын негізгі элементтері тәңірегінде мәселелер қаралған. Бұл салада зерттеулер жүргізген белгілі ғалымдардың ішінде қаралып жатқан сұраққа универсалды және іргелі, терең сипаттама берген К. Леви-Стросстың еңбектеріне аса назар аударылды. Оның еңбектерін зерттеу барысында автордың методологиясының ерекшеліктері айқындалып, мифологиялық ойлаудың құрылымын, қыр-сырын білуге мүмкіндік туды. К. Леви-Стросстың еңбектері негізінде ойлау тұлғалар түрлері, оның ішінде мифологиялық ойлау сияқты маңызды мәселелер зерттелді.

Abstract

The article deals with the questions of methodology of structuralism, its principal elements rise from the Linguistics. From the most significant authors approach of Lévi-Strauss is allocated for the the universal and fundamental characteristics. This allows us to extend traditional ideas about methodology of Lévi-Strauss and see patterns, a sort of immutable elements of mythological thinking. On the basis of the works of Lévi-Strauss been studied all semantic diversity of mental forms, the most significant of which is the mythological thinking.

The main task of Levi-Strauss - to show that all the various phenomena of society and culture are a modification of some of the original single model, its disclosure. That is why all of them can be a rigorous way systematized and classified between them can be detected due, showing their position in relation to each other or relative to pervomodeli.

Mythology is considered as a remarkable example of objectified thought. Each myth exists as a partial implementation of the scheme and to identify its possible only gradually, based on the mutual relationship between the explanation of many myths. The myths in the language: the use of such thinking requires that its properties remain unknown.

Ключевые слова: *структурализм, гуманитарное знание, мифологические отношения, миф, структура, первобытное мышление, мифология, рациональное мышление, мифемы, концепты.*

Key words: *structuralism, humanitarian knowledge, mythological relationship structure, primitive thought, mythology, rational thinking, mifems, concepts.*

Главная задача К. Леви-Стросса — показать, что все разнообразные явления социума и культуры представляют собой модификацию некоей исходной единой модели, ее раскрытие. Именно поэтому все они могут быть строгим образом систематизированы и классифицированы, между ними могут быть выявлены связи, показывающие их положение по отношению друг к другу или по отношению к перводе модели. Мифология рассматривается как замечательный пример объективированной мысли. Каждый миф существует как частичная реализация схемы, и выявить ее можно лишь постепенно, опираясь на отношения взаимного объяснения между многими мифами. В мифах как в языке: использование подобного мышления требует, чтобы его свойства оставались непознанными.

Самое важное для нас в контексте поставленной проблемы – это представления К. Леви-Стросса о том, что во всех социальных формах деятельности лежат одни и те же универсальные схемы, структуры. Иными словами, понять смысл отдельных, единичных событий, вещей, явлений можно, лишь обратившись к описанию их места в общей картине явления. Это становится

возможным благодаря выработке определенного типа лингвистических форм. Так, например, Леви-Стросс в понимании семьи исходит из того, что она есть часть общества, его важная единица. Но Леви-Стросс заставил взглянуть на этот феномен необычно, а именно через отношение семьи к своим ближайшим родственникам, не выделяя своего обособленного места. У каждого элемента есть свое место в системе.

Все типы обществ подчиняются одним и тем же «бинарным оппозициям», благодаря простому противопоставлению вырастают и функционируют различные культуры. Фольклор, мифология играют в этих процессах непреходящую роль. Благодаря этой вечной двойственности мир обладает смыслом, красками, будущностью. И это прекрасно.

Что такое структурализм?

Структурализм в его классических истоках сейчас, на фоне постмодернистских и постпостмодернистских изгибов мысли выглядит неуклюжим, косным, анахроничным. Однако возврат к 60-ым — не только ностальгия по ушедшей эпохе. Сошлемся здесь на мнение Н. Автономовой о том, что этот период в культуре и познании был пройден «слишком быстро», «на лету», так что многое из того, что содержалось в концепциях и дискуссиях этого времени, было попросту потеряно.

В настоящее время у нас продолжается падение общественного интереса к направлениям, претендующим на научность и объективность.

На фоне современной методологической анархии и часто при отсутствии элементарной мыслительной дисциплины в гуманитарном знании (не зря постмодернизм иногда характеризуется как *беллетристика*) — возврат к эпохе, когда, во-первых, просто был, во-вторых, этот метод требовал строгости, дисциплины, четкости, может оказаться поучительным плодотворным.

Нельзя ведь утверждать и то, что структурализм уходит вместе с 60-ми годами. И после 60-ых годов многие исследователи-структуралисты продолжали работать, часто претерпевая некоторую естественную эволюцию, и после того, как волна социальных эмоций пошла в другом направлении. Среди таких исследователей, конечно, Клод Леви-Стросс, который остался верен структурализму до конца [1]. Как замечает А. Веретенников, К. Леви-Стросс перестает называть себя структуралистом в 80-е годы из-за нарастающей популярности постструктурализма в лице Мишеля Фуко, Ролана Барта и Жака Деррида. Леви-Стросс язвительно замечает: «Французское общество ненасытно. Каждые пять лет ему нужно что-нибудь новенькое. Пять лет назад это был структурализм, сейчас — что-то ещё. Я больше не использую слово «структуралист», так как его смысл страшно перевернут. Я абсолютно точно не являюсь отцом «структурализма» [2].

«Во Франции, во всяком случае, именно эта эмоция (т.е. требование объективности) сначала превратила структуральную методологию, спокойно существовавшую и в 50-е годы, в клич битвы с субъективистскими философиями различной окраски и даже в своего рода научную философию как таковую, а потом быстро откатилась в сторону, покинув эпистемологию в пользу этики и политики. Но отток социальной поддержки и внешнего интереса не есть сам по себе крах структурной методологии — тем более что эта методология была еще слишком мало использована в конкретных областях знания, чтобы судить о пределах ее применимости» [3].

Одним из инструментов завоевания философской легитимности для структурализма стала оппозиция между «наукой» и «идеологией», главной задачей становится, чтобы дать оценку всякому дискурсу с позиции неоспоримого научного взгляда. Требование «научности», «объективности» составляет мобилизующий принцип этого философского авангарда: подобная отсылка поначалу была направлена против Сартра, философа, занимавшего доминирующую позицию во французском интеллектуальном пространстве до начала 1960-х годов. Так, последние страницы «Неприрученной мысли» Леви-Стросса — это полемика с Сартром.

Но, проявляясь в сфере политики, сам структурализм становится политически ангажированным, ведь не случайно во Франции 60-ых во многом структурализм — это не узко академическая доктрина, а дань моде. Установление «структурализма» в рамках философской проблематики во многом обуславливается необходимостью дистанцирования: «субъекту» противопоставляется «структура», «гуманизму» — «смерть человека», «диалектике» — «система» и т.п.

Отправной точкой для формирования структуралистской парадигмы в гуманитарном знании, как единодушно заявляют исследователи, становится «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, в котором обозначены идеи, ставшие фундаментальными для развития структурного метода анализа.

Это понимание языка как *системы* (фраза настолько избитая, что ее понимание сейчас сильно затруднено, и сейчас приходится пробиваться через это иллюзорное знание того, что все понимают, что язык — это *система*). Мысль Соссюра о том, что язык это не набор слов, форм слов, правил грамматики, а целостность, где все сцеплено, где все «держится за все» - она по-прежнему актуальна, как минимум с педагогических позиций.

Исходя из классического понимания структурализма, сформировавшегося в лингвистике, можно предварительно утверждать, что структуралисты отказываются, следовательно, от мысли, что каждый «факт» языка можно расценивать сам по себе, что он является абсолютной и объективной величиной, допускающей изолированное рассмотрение. Любые языковые сущности можно определяются лишь в их отношении друг к другу, рассматривать их можно в пределах системы, которая их организует и доминирует над ними. Они представляют собой нечто лишь постольку, поскольку являются элементами структуры. Именно систему следует выделять и описывать прежде всего. Так создается теория языка как системы знаков и как иерархии единиц.

В структурной лингвистике в качестве основной структурной ячейки рассматривалась элементарная языковая противопоставленность – бинарная оппозиция. Этот термин вскоре становится ключевым понятием при структурном анализе явлений культуры.

Структурализм и структуралисты

Исследователи часто отмечают, что, хотя довольно легко распознать структуралистов по используемой ими терминологии, включающей такие базовые понятия, как «структура», «система», «знак», «означаемое», а также по стилистике и характерной тональности написанных ими текстов, все же чрезвычайно трудно сформулировать основные принципы структурализма как такового. Так, Джон Пассмор говорит, что вслед за Пиаже можно считать структуралистами только тех, «кто занимается изучением систем законосообразных преобразований, которые «не приводят к результатам, внешним по отношению к системе, и не охватывают элементов, находящихся вне ее»; однако тогда структуралистами оказались бы математики, а многие из тех, кого действительно называют «структуралистами», не попали бы в перечень [4,34].

Структурализм как многоплановое явление предстает как минимум в трех ипостасях, как: движение, направление или совокупность направлений. Так, структурализм может быть понят как интеллектуальное движение, для которого характерно стремление к раскрытию моделей, лежащих в основе социальных и культурных явлений.

Во-вторых, структурализм – направление в гуманитарных науках (в лингвистике, литературе, истории, этнографии и др.), связанное с использованием структурного метода, моделирования, элементов семиотики, формализации и математизации [5].

Структурализм — научное направление в гуманитарном знании, возникшее во Франции в первой половине XX века. Основу структурного метода образует выявление структуры как совокупности отношений, инвариантных при некоторых преобразованиях [6]. Структурализм. Комплекс направлений в целом ряде наук, объединяемых общими философско-эпистемологическими представлениями, методологическими установками и спецификой анализа, складывавшийся в период с начала XX в. и по 40-е годы включительно [7].

Структурализм, сложившийся как методология или методологическая парадигма естественно-научного и гуманитарного познания, считающая главной целью науки нахождение такой совокупности базовых свойств, отношений и законов изучаемой предметной области, которые не зависят ни от конкретного содержания (значения) ее элементов, ни от их изменения с течением времени [8]. Также мы встречаем понимание структурализма как общего названия методов гуманитарных наук, связанных с обнаружением и описанием структур в разных областях культуры [9]. Структурализм – обозначает также в целом неоднородную сферу гуманитарных исследований, избирающую своим предметом совокупность инвариантных отношений (структур) в динамике различных систем [10]. Практически во всех определениях говорится так или иначе о методе.

Структурализм в гуманитарном знании – явление междисциплинарное, межнаучное, для него характерно изучение глобальной научной проблемы, а не узкоспециальной темы. Цель структурного анализа – выявление логики порождения, строения и функционирования сложных объектов духовной культуры (миф, ритуал, литература, мода и т.д.), при этом само исследование может проводиться на различных уровнях – слова, сюжета, дискурса.

В структурной лингвистике в качестве основной структурной ячейки рассматривалась элементарная языковая противопоставленность – бинарная оппозиция. Этот термин вскоре становится ключевым понятием при структурном анализе явлений культуры.

«Отсюда возникает проблема: применим ли этот же метод к другим типам социальных явлений? Если это так, то приведет ли такой метод к сходным результатам? И, наконец, если мы ответим утвердительно на второй вопрос, то сможем ли мы признать, что различные формы социальной жизни представляют в своей сути нечто общее: все они — системы поведения, каждая из которых является некоей проекцией на плоскость сознательного и обобществленного мышления всеобщих законов, управляющих бессознательной деятельностью духа?» [11, с. 63]. Клод Леви-Стросс отвечает на эти вопросы «Да».

Леви-Стросс

Считается, что структурализм в его варианте современного философствования берет начало от работ французского антрополога, философа и социолога Клода Леви-Стросса. Тем не менее, у наследия Леви-Стросса непростая судьба: его мало читают и много критикуют.

Леви-Стросс одним из первых при изучении явлений культуры делает акцент на анализ отношений между единицами, а не на анализ самих единиц. Одна из заслуг Леви-Стросса заключается в том, что он описательную науку этнографию превращает в науку теоретическую. Леви-Стросс говорит о том, что цель этнолога «заключается в том, чтобы обнаружить за осознаваемыми и всегда различаемыми образами, посредством которых люди понимают историческое становление, инвентарь бессознательных, всегда ограниченных по числу возможностей. Их перечень и существующие между ними отношения совместимости или несовместимости создают логические основания для разных видов исторического развития, если и не всегда предвидимых, то во всех случаях закономерных» [11, сс. 30]. В этих словах — весь пафос работ Леви-Стросса.

Сам Леви - Стросс отмечает, что структурный метод в этнологии, при всех его достоинствах, не может дать исчерпывающего познания обществ: «Мы хотим лишь извлечь из огромного числа разнообразных данных опыта, превышающих возможности наших наблюдений и описаний, такие постоянные величины, которые повторяются в иных местах и в иные времена» [12, с.77]. Также мы находим у него, что «...всякое мифологическое мышление, все ритуалы состоят из преобразования чувственного опыта средствами семиотической системы» [11, с. 89].

Докторская диссертация Л-С - «Элементарные структуры родства» (1949) - первый пример логико-математического моделирования брачно-родственных отношений в первобытных обществах (работа делалась вместе с математиками). Здесь существующее многообразие систем родства были сведены к основным типам, показано, как из этих основных типов (структурных инвариантов) могут быть выведены все существующие и возможные варианты данных систем.

Для существования структуры родства необходимо наличие трех типов семейных отношений, а именно: отношения кровного родства, отношения свойства и родственные отношения порождения — другими словами, отношения брата к сестре, отношения супруга к супруге, отношения родителей к детям. Но такое описание отношений еще не выходит за пределы биологического уровня.

Собственно человеческая система родства состоит не из объективных родственных или кровнородственных связей между индивидами (такой подход возможен, но это уступка натурализму); она существует только в сознании людей, это произвольная система представлений, а не спонтанное отражение фактического положения дел [11, с. 51].

По мнению Леви-Стросса, решающий факт заключается в том, что в человеческом обществе родство устанавливается и непрерывно продолжается только посредством определенных разновидностей связей по свойству (не по крови, а через брак). Системы родства — системы символов, «мы имеем дело целиком с символами» - [11, с. 52], а не чисто биологическая система — отношения к дяде по материнской линии— брату матери). Родство в мире культуры не предзадано только биологически: элемент родства -не первокирпичик, не позитивная величина, а величина относительная — член семьи приобретает свой статус, только будучи помещённым в систему отношений между родственниками и другими семьями. Леви-Стросс исследует особенности брачных обычаев и систем родства и доказывает, что брачные обычаи, наблюдаемые в человеческих обществах, не должны классифицироваться, как это обычно делают, только по разнородным и различным категориям: запрещение инцеста, предпочтительные типы браков и т. д. Каждая из систем родства «представляет собой один из способов обеспечения обмена женщинами внутри социальной группы, т. е. замены системы кровного родства биологического происхождения социальной системой отношений свойства» [11, с. 57].

Рассмотренный таким образом, брачные системы превращаются в некий «язык», то есть в совокупность операций, предназначенных обеспечивать определенный тип общения между

индивидами и группами индивидов. В роли послания здесь выступают женщины группы, которые циркулируют между группами (как слова циркулируют между индивидами). По мнению Леви-Стросса, «необходимо рассматривать брачные правила и системы родства как некий язык, т. е. как множество операций, обеспечивающих возможность общения между индивидами и группами индивидов»[11, с. 58].

Пример того, Леви-Стросс анализирует отношения между единицами. Анализируя то, как формируются тождества (*les identités*) в ходе межплеменного брака, Леви-Стросс выявляет, что отношение между дядей и племянником (А) есть по отношению к отношению между братом и его сестрой (В) есть то же, что и отношения между отцом и сыном (С) к отношению между мужем и его женой (D). $A/B=C/D/$ Если у нас есть А, В, С — то D мы можем получить.

За, казалось бы, поверхностными, случайными и разнородными правилами брачных отношений Л-С в «Элементарных структурах родства» выделяет небольшое число простых принципов, с помощью которых очень сложная совокупность обычаев, на первый взгляд даже абсурдных, сводится к осмысленной системе. Традиционная антропология анализировала единицы, а Л-С анализирует отношения между единицами.

Бриколаж у Леви-Стросса.

Французское слово *bricoler* имеет значение «изготавливать самоделки» то есть; заниматься поделками; самому всё делать дома из того, что есть, а не покупать готовые изделия из магазина; соответственно *bricoleur* - домашний мастер, изготавливающий такие поделки, а *bricolage* - сам процесс изготовления самоделок.

То есть бриколёр — тот, кто творит сам, используя подручные средства (материалы и инструменты), а не те средства и инструменты, которые используют специалисты.

Мышление дикаря у Леви-Стросса — что-то вроде интеллектуального бриколажа, когда приходится обходиться тем, что есть. Бриколёр способен выполнить огромное число разнообразных задач, при этом в реализации своих проектов он почти не зависит от сырья и инструментов (все используется для всего), современный инженер зависит полностью. Бриколёр с помощью ограниченного набора ресурсов и подручных средств может решить бесконечное количество задач, он не ограничен никаким проектом. То, что он использует, отбираются по принципу: «Это всегда может пригодиться»; это не специализированные элементы, а как говорит Леви-Стросс, «полуспециализированные».

Бриколёр использует остатки человеческой деятельности (обрезок веревки, куб из старого дуба, пучок соломы и т.п., эти фрагменты напоминают о бывших использованиях. «Каждый элемент воспроизводит одновременно целостную совокупность отношений, и конкретных, и потенциальных; это операторы, но пригодные для каких-либо операций одного типа»[12,с.127]. Понятно, что кусок дерева мне не поможет при вышивании.

Леви-Стросс неоднократно цитирует фрагмент антрополога Ф. Боаса: «"Мифологическим мирам" словно предназначено быть разрушенными, едва образовавшись, чтобы из их осколков рождались новые миры»[11, с. 130], этот же фрагмент в качестве эпиграфа к главе «Структура мифов» в «Структурной антропологии» (вдругом переводе) [12, с.184].

В непрекращающемся конструировании при помощи одних и тех же ресурсов прежние цели превращаются в средства: означаемое превращается в означающее и наоборот [12,с.130]. Бриколаж не заканчивается одним использованием, «завершением». Если наука четко ограничивает событие (содержание) и структуру, то мифологическое мышление вырабатывает структурированные совокупности не «непосредственно наряду с другими структурированными совокупностями, а используя остатки и осколки событий» [12, с.130].

«Эта формула, которая может служить определением бриколажа, разъясняет, что для мифологической рефлексии все наличные средства должны быть имплицитно инвентаризированы или постигнуты, чтобы мог определиться результат, который всегда будет неким компромиссом между структурой инструментальной совокупности и структурой проекта»[12, с.130] .

При характеристике логики первобытного мышления Леви-Стросс использует аналогию с калейдоскопом, содержащим обломки (осколки), с помощью которых производятся структурные размещения[12, с.141]. Чем удобен калейдоскоп?

Есть очень ограниченное количество элементов и множество вариантов их взаимного расположения, отраженного в зеркалах. Есть случайное событие (вращение калейдоскопа) и некий структурный инвариант: элементы не могут располагаться в каком угодно порядке, так как 1) постоянны сами элементы 2) особенности их расположения на «картинке» определяются

устройством калейдоскопа, то есть подчиняются определенным закономерностям; то есть любую «картинку» можно выразить в строгих соотношениях между частями.

Логика мифологического мышления — это логика, термины которой состоят из фрагментов, обломков чего-то другого. Логика здесь понимается как установление необходимых отношений, а бриколаж — включение в форму некоторого содержания [12, с. 140] есть форма и содержание не отделены полностью (Цветобозначения — абстрактный цвет).

Аналогичным образом элементы мифологического мышления расположены на полпути между перцептами и концептами, перцепты — единицы восприятия, конкретные чувственные образы, концепты — понятия, единицы мышления. Таким посредником между образом и понятием является знак (если вернуться к Соссюру).

Знак сам по себе, в своем бытии конкретен (вот я его вижу или слышу), но, подобно понятию, он замещает другую вещь. Обозревая свой небольшой арсенал, бриколёр каждый раз думает: как это можно использовать в этом случае, то есть что это могло бы «значить».

Аналогично мифы рассматриваются им как акты речи (parole), за которыми можно обнаружить язык (langage). Он рассматривает мифемы — фундаментальные единицы мифов.

Каким же образом первобытное мышление классифицирует и синтезирует то, что попадает в его поле зрения? Здесь нельзя говорить о логической форме понятия, так как в первобытном обществе ими не пользовались.

Исследователи мифов первобытных народов, например Леви-Брюль, не могли объяснить «странности» внутренней логики мифов, которая проявляется во внезапных перерывах мифологического повествования (отсюда противопоставление мифа и «нормальной логики», Леви-Брюль говорит о «дологическом» характере первобытного мышления, о его полном безразличии к противоречиям, которое не терпит наш разум).

Леви-Стросс анализирует миф как инструмент первобытной логики и анализирует в большей степени структуру мифологического мышления, чем само мифологическое повествование («сюжет» для него не важен), он сосредоточивает свое внимание на пучках отношений в их символическом значении. Его анализ показывает, что мифологическое мышление оперирует большим набором бинарных оппозиций (сырой - приготовленный, свежий-гнилой, пустой - полный, открытый — закрытый, близкий — далекий, верхний — нижний, родственный — свойственный).

«Хотя слова продолжают оставаться элементами речи, в мифе они начинают функционировать как пучки дифференциальных отношений. В плане классификации эти мифемы располагаются не на лексическом, а на фонематическом уровне, с той только разницей, что мифемы и фонемы принадлежат разным континуумам» [13, с. 450].

Мифемы возникают в результате комбинирования бинарных и тринарных оппозиций (что придает им сходство с фонемами), но при этом комбинируются такие элементы, - которые — в плане языка — уже наделены значением» [13, с. 451]. «Мифемы — это тоже слова, но это слова с двойным значением, слова слов, одновременно функционирующие в двух планах — в плане языка, где они сохраняют свое лексическое значение, и в плане метаязыка, где они выступают в роли элементов вторичной знаковой системы, которая способна возникнуть лишь из соединения этих элементов» [13, с. 451].

В мифах и сказках индейцев северной и Южной Америки разным животным приписываются одинаковые поступки. Тот факт, что, выполняя одну и ту же функцию, орел появляется днем, а сова — ночью, уже позволяет определить орла как дневную сову, а сову — как ночного орла, а это значит, что оппозиции дня и ночи приобретают релевантность. Изучаемый фольклорный материал этнографического типа вписан в другие контексты, - обряды, религиозные верования, хозяйственная деятельность. Позитивные знания данного общества. В этом случае орел и сова как хищные птицы противостоят ворону как пожирателю падали, а оппозиция между орлом и совой проходит по оси дня и ночи, утка же противостоит всем трем в плане новой оппозиции между парой небо/земля и небо/вода.

Так парные оппозиции будут сочетаться внутри персонажей, которые вовсе не окажутся неразложимым сущностями, а, подобно фонемам, как их понимает Роман Якобсон, представляют собой «пучки дифференциальных признаков» [13, с. 443-444].

Исходным материалом бинарных оппозиций служат чувственные свойства, данные органы чувств (громкий - тихий, сырой - вареный), при этом нет различия между состояниями субъекта и состояниями космоса. Затем идут оппозиции, выражающие логику форм: пустой — полный, внутренний внешний, включенный — исключенный. Так, эмпирические категории, определяемые

этнографическими наблюдениями, оказываются концептуальными операторами абстрактных понятий и связывания их в предложения. Движение к абстракции осуществляется через «сходства» и «несовместимость» чувственных свойств. Дифференциальными признаками в мифах являются не сами вещи, а общие свойства, способные превращаться друг в друга посредством операций алгебраического типа.

При этом может быть переключение между кодами.

Сосуд из тыквы — виды пищи (кулинария)

- способ разделки дерева (полое дерево)
- музыкальные инструменты из тыквы (акустика)

Метод, разработанный Леви-Строссом, сводится к следующему:

- прежде всего, вычлняются бинарные оппозиции типа: высокий/низкий, теплый/холодный и др.;
- затем рассматривается механизм замены фундаментальной оппозиции (например, жизнь/смерть) менее резкой (например, растительной или животной сферы), а эти, в свою очередь, — более узким противопоставлением.

Так, происходит смена кода, громоздятся все новые и новые мифологические системы как следствие своеобразной «порождающей семантики». При переходе от мифа к мифу сохраняется их общая «арматура» (техника бриколажа), но меняется «код» и «сообщение» (смысл мифа). Новаторство Леви-Стросса выразилось в переходе от символической теории мифа к собственно структурному, динамическому анализу мифов как элементов действующей моделирующей системы.

После проделанной работы исходный миф может быть объяснен целиком во всех подробностях, ранее казавшихся случайными и бессмысленными. Делается вывод о том, что первобытный человек оставался непонятым потому, что его логика (имеющая такие законы, как и наша), выражается не абстрактными понятиями, а чувственными образами (бриколаж).

Он проводит инвентаризацию мифов американских индейцев и показывает, что мифы трансформируются (например, при заимствовании) по определенным правилам инверсии и симметрии: «мифы отражаются друг от друга по осям, список которых можно составить» [13, с. 343]. Имеются ограничения, удерживающие идеологические конструкции в некотором изоморфизме, где возможны лишь некоторые виды трансформации, существует определенный детерминизм.

Главная задача Леви-Стросса — показать, что все разнообразные явления социума и культуры представляют собой модификацию некоей исходной единой модели, ее раскрытие, поэтому все они могут быть строгим образом систематизированы и классифицированы, между ними могут быть выявлены связи и соответствия, показывающие их положение по отношению друг к другу или по отношению к перводеи. Первоначально Л-С исходит из языковых моделей, затем устанавливает систему родственных связей, пытается разработать теорию мышления, от которой переходит к анализу мифов.

В мифах человеческий разум кажется совершенно свободным, а разгул фантазии — ничем не ограниченным, кроме спонтанности творчества. Поэтому, говорит Леви-Стросс во введении к «Сырому и вареному», «если удастся доказать, что за кажущейся произвольностью, свободной и ничем не связанной изобретательностью лежат законы, действующие на более глубоком уровне, то заключение станет неизбежным: разум, оставшись наедине с самим собой и освободившись от обязанности компоновать объекты, сводится к тому, чтобы в каком-то смысле имитировать себя как объект», «человеческий разум кажется детерминированным даже в мифах, отсюда следует, что он таков повсюду» [14, с.19].

Стремясь к исследованию ментальных ограничений, Леви-Стросс сам говорит, что в своей проблематике приближается кантовской [14, с.19] Рикёр называет такую программу как «кантианство без трансцендентального субъекта» [14, с. 20], у Рикёра: «бессознательное скорее кантовское, чем фрейдовское, категориальное и комбинаторное бессознательное», «категориальная система без отсылки к мыслящему субъекту» [14, с.325].

Мифология рассматривается как замечательный пример объективированной мысли. Каждый миф существует как частичная реализация схемы, выявить которую можно лишь постепенно, опираясь на отношения взаимообъяснения между многими мифами. В мифах как в языке: использование мифологического мышления требует, чтобы его свойства оставались скрытыми. «Мы пытаемся показать не то, как люди мыслят в мифах, а то, как мифы мыслят в людях без их ведома» [14, с. 20]. «Речь идет не столько о том, что есть в мифах (не будучи при этом в сознании людей), сколько о системе аксиом и постулатов, определяющих наилучший возможный код,

способный придать общее значение бессознательным продуктам, являющимся фактами разумов, обществ и культур, наиболее удаленных друг от друга» [14, с. 21].

В своих работах Леви-Стросс показывает, что за странными, обескураживающими формами тотемизма стоит рациональное мышление туземцев, их способность совершать те же мыслительные операции, которые совершает человек технически продвинутой цивилизации. Но специфика в том, что логическая ось общее - частное не выделена в качестве самостоятельной формы (понятийное мышление), и она воспроизводится нераздельно от семиотической оси «Природа — культура».

Таким образом, структурализм, по крайней мере, в леви-строссовском варианте, представляет собой рациональную теорию общества, утверждающая, что разнообразные культурные формы, обнаруживаемые в реальности, отражают ряд когнитивных оппозиций (возможных вариантов проявления перводела), моделирующей, уже в более фундаментальном плане, структуру человеческого ума [15, с. 248].

Если под структурой понимать совокупность отношений, инвариантных при некоторых преобразованиях, т.е. не просто как устойчивый «скелет» какого-либо объекта, а как совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить второй, третий и т.д. путем перестановки его элементов и некоторых других симметричных преобразований, то такое понимание структуры хорошо подходит под ту работу, которую Леви-Стросс продельвает с мифами.

Структурализм, если отталкиваться от его наиболее последовательных воплощений (копенгагенская глоссематика при анализе языка, или Леви-Стросс при анализе культуры) — своего рода глобальный проект, может быть утопический... Нереализованный проект.

Еще один аспект, который нельзя игнорировать, - это то, что мы имеем дело с переводами — с переводами разной степени адекватности и качества, при часто полном отсутствии знания того, что и как переводили другие переводчики. Но это тема отдельного разговора.

Литература

1. Галиева А.М. Структурализм: новое понимание свободы?// Гуманизм и современность: Материалы Международной научно-образовательной конференции. 8-9 ноября 2013. –Казань, Казанский университет, 2013. – С. 465-471.
2. Веретенников А. Памяти Клода Леви-Стросса. Пессимистичный структуралист//Частный Корреспондент. – 2012.–1 ноября. 10.08.
3. Автономова Н. С. Познание и перевод: опыт философии языка.-Москва: РОССПЭН, 2008.–702 с.
4. Современные философы. Перевод с англ. Л. Б. Макеевой. –М.:Идея-Пресс, 2002. – 192 с.
5. Гуревич П. С. Современный гуманитарный словарь-справочник. – М.: АСТ: Олимп, 1999. – 526 с.
6. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: Инфра, 2003. – 576 с.
7. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов.– М.: ИНИОН РАН - INTRADA, 2001. – 384 с.
8. Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. –М.: Академический Проект, 2004. – 320 с.
9. Кемеров В. Философская энциклопедия. – "Панпринт", 1998 г.
10. Всемирная энциклопедия: Философия: XX в. (гл.науч.ред.,сост. Грицанов А.А.) – М: АСТ Мн: Харвест Современный литератор , 2002. - 976 с.
11. Леви-Стросс К. Структурная антропология: [Пер. с фр.]; АН СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв.ред. Н.А. Бутинов, В.В. Иванов.– М.: Наука, 1983.– 535 с.
12. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. Пер.,вступ. ст., примеч. А.Б. Островского. – М.: Терра – Книжный клуб: Республика, 1999.–384 с.
13. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Авториз. пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова.– М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - Санкт-Петербург: А-сad, 1994. – 406 с.
15. Леви-Стросс К. Мифологии. Т.1. Сырое и приготовленное: В 4т. Отв. ред. Е.О.Пучкова; Пер.: З.А.Сокулер, К.З.Акопян. – Москва - Санкт-Петербург: Университетская книга: Культурная инициатива, 2000.—399 с.

16. Лурье С.В. Психологическая антропология. История, современное состояние, перспективы — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. - 624 с.

References

1. Galieva, A.M. (2013). Structuralizm: novoye ponimaniye svobody? [Structuralism: a new understanding of freedom]Gumanizmisovremennost: MaterialyMezhdunarodnoynauchno-obrazovatelnoykonferentsii 8-9 noyabrya 2013. [Humanism and the Present: Proceedings of the International scientific and educational conference on November 8-9, 2013 – Kazan, Kazan University, 2013].465-471 [in Russian].
2. Veretennikov, A. (2012). PamyatiKloda Levi-Strossa.Pessemistichnyystructuralist [Veretennikov A. Memory of Claude Levi-Strauss. Pessimistic structuralism].Chastnyykorrespondent[Private Correspondent],1noyabrya10.08. [in Russian].
- 3.Avtonomova, N.S. (2008).Poznaniyeiperevod: opytfilosofiiyazyka [Knowledge and Translation: Experience the philosophy of language]. Moscow: ROSSPEN [in Russian].
4. Modern philosophers (2002). (Makeyeva L.B., Trans.). Moscow: Idea-Press.
5. Gurevich, P.S.(1999). Sovremennygumanitarnyyсловар-spravochnik [Modern Humanities dictionary-directory]. Moscow: AST: Olimp[in Russian].
6. Gubskiy, E. F.(Eds.). (2003). Filosofskiyentsiklopedicheskiyсловар [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Infra[in Russian].
7. Ilyin, I.P. (2001). Postmodernizm: slovarterminov [Postmodernism: glossary]. Moscow: INION – INTRADA [in Russian].
8. Lebedev S.A. (2004). Filosofiyanauki: Slovarosnovnyhterminov [Philosophy of Science: Glossary of key terms]. Moscow: Academic Project [in Russian].
9. Kemerov V. (1998). Filosofskayaentsiklopedia. Moscow: Panprint.
10. Gritsanov A.A. (Eds.). (2002). Vsemirnayaentsiklopediya: Filosofiya: XX v. [The World Encyclopedia of Philosophy: XX century].Moscow: AST MN: Harvest Modern writer [in Russian].
11. Lvi-Strauss, Claude (1983). Structural anthropology. N.A. Butinov, V.V. Ivanov (Ed.). Moscow: Science.
12. Lvi-Strauss, Claude. (1999). Primeval thinking. (A.B.Ostrovskiy, Trans., Joined. Art., n.). Moscow: Terra-Book Club: The Republic.
13. Lvi-Strauss, Claude. (2001). Structural anthropology. (Ivanov Vyach.Vs. Trans.). Moscow: Publishing house Eksmo-Press.
14. Foucault , M. (1994). Words and things.Archaeology of Human Sciences].St.Petersburg: Acad.
15. Lvi-Strauss, Claude. (2000). Mifologic. Vol.1, Raw and cooke (Le Cru et le cuit d): The 4Vol. (E.O. Puchkova (Ed.). Z.A. Sokuler, K. Z. Akopyan,Trans.). Moscow; St. Petersburg: University Book: Cultural Initiative.
16. Lure S.V. (2003). Psihologicheskayaantropologiya.Istoriya, sovremennoyesostoyaniye, perspektivy.[Psychological Anthropology.The history, current status and prospects]. Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Business Book.